

УДК 82-1

DOI 10.26456/vtfilol/2022.4.155

ОГОНЬ В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

С.М. Пинаев

Российский университет дружбы народов, г. Москва

М.А. Волошину, поэту и философу, было свойственно обострённое восприятие основных стихий, составляющих мироздание. В этой связи неоднократно говорилось о влиянии на Волошина древнегреческой философии.

Ключевые слова: *огонь, стихия, природа, космос, солнце, дух.*

Максимилиан Волошин воспринимается сегодня как наследник и продолжатель традиций античного философского эпоса. В первую очередь, мы называем здесь Эмпедокла, создателя разнообразных по тематике и жанру произведений, в том числе двух философских поэм: «О природе» и «Очищения». В первой поэт-философ излагает свою концепцию мироздания. Он говорит о четырёх стихиях (огонь, земля, вода, воздух), представленных четырьмя божествами. Развитие мироздания обусловлено взаимодействием «мужских» (огонь, воздух) и «женских» (земля, вода) начал. Различное сочетание этих элементов порождает многообразие природы, которая благодаря «божественным» наполнениям воспринимается не как объективная бездушная реальность, но как живое, одухотворённое тело.

Философско-поэтическое ощущение четырёх составляющих мироздания стихий, божественных и животворящих, было присуще и родившемуся в конце XIX века Волошину. Программные в этом смысле строки встречаются уже в стихотворном «Письме» (1904): «Стихии мира: Воздух, Воды, / И Мать-Земля и Царь-Огонь!..» Весь окружающий поэта мир – это «мечты» (пусть иногда и «окаменелые») «безмолвно грезящей природы». Более того, он как бы вбирает эти начала в себя («Во мне зеркальность тихих вод, / Моя душа как небо звездна...»). Сливаясь с природой, поэт ощущает себя «божественным и вечным» («Я духом Бог, я телом конь»). Вместе с тем, одно из главных преступлений человека, как будет утверждать Волошин уже в книге «Путиями Каина» (1923–1926), состоит в том, что он возомнил «Себя единственным владыкою стихий», нарушил незримый баланс между «духами стихий» и собой, «расчислил», «обезбожил» природу и, подчинив её машине, высвободил губительные страсти «ундин и саламандр», то есть тех же духов природы.

Пожалуй, самое большое влияние на Волошина, в частности на создание цикла поэм «Путиями Каина», оказала поэма Лукреция Кара (98–

54) «О природе вещей». Римский поэт словно бы «подсказал» поэту русскому, как можно в рамках одного произведения объять необъятное: дать философскую концепцию истории и сатиру на современное общество, окинуть взглядом картину космоса и выявить природу атома, задуматься о механизме ощущений, о душе и Духе. Сам Лукреций во многом опирался на Эпикура, который помимо проповеди мудрого созерцания, гармонического наслаждения и возвышенной безмятежности, открывал своим слушателям тайны Вселенной, развивая положения атомистической философии Демокрита. Волошин, возможно интуитивно, воспринял основной пафос, сближающий учение Эпикура с поэмой Лукреция: знание законов, управляющих миром и историей, даёт человеку ощущение внутренней гармонии, освобождает от религиозно-политических догм и суеверий, способствует осознанию себя «вселенной и творцом».

Сама личность Лукреция не может не вызвать ассоциации с Волошиным: творчество того и другого приходится на период смуты и гражданских войн, когда высвобождалась стихия огня в своём разрушительном виде, по Волошину, «огня поджогов и пожаров», смут и мятежей. Лукреций был, вероятно, самым крупным из поэтов-мыслителей того времени, которые противопоставили усобице философско-просветительские идеи, «воспоминание» о золотом веке, когда «...не губила зато под знамёнами тысяч народа / Битва лишь за день один...».

История человечества в представлении Лукреция, направляется двумя импульсами, которые олицетворяют Венера и Марс, сквозные символы произведения. Жестокость и неразумие современников отстраняются, поэтически «разоружаются» «великими членами мира», универсальной триадой: небо – море – земля. «Великие члены мира», с одной стороны, воспринимаются как воплощение трёх основных состояний материи (газообразного, жидкого и твёрдого), с другой – «возвышают» адресата поэмы над людской суетой. «Прежде всего посмотри на моря ты, на земли и небо...» – советует поэт своему «слушателю» Меммию. «Ветшают дни, проходит человек, / Но небо и земля – извечно те же...» – словно бы откликается ему из XX столетия создатель Дома Поэта.

Заглянем же в «личный космос» Волошина. Наверное, лучше других удавалось его воспринимать Марине Цветаевой. Откроем её очерк «Живое о живом»: «...море, степь, горы – три коктебельские стихии и собирательную четвёртую – пространство он ощущал так своими, как никакой кламарский рантье свой “павильон”. Полынь он произносил как: *моя*. А Карадаг... просто как: *я*» [2: 222].

Но ведь и сам Максимилиан Волошин в представлении многих современников представлял собой своеобразную «стихию», одну из составляющих мироздания. Вот что писала в книге «Воспоминания» Е.К. Герцык: «В своём физическом облике сам такой материковый, глыбный, с минералом иззелена-холодных глаз, Макс Волошин как будто и вправду только что возник из земли, огляделся, раскрыл рот –

говорит...» Волошин – порождение Земли. Мало этого: «История человечества начинается для него не во вчерашнем каменном веке, а за миллионы миллионов лет, там, где земля оторвалась от солнца, осиротела... Каждой частицей своего телесного состава он словно помнит великие межзвёздные дороги. Человек – “путник во вселенной”: “...солнца и созвездья возникали и гибли внутри тебя...”» [2: 237]. Волошин – частица космоса. Более того: космос окружает человек, но он же и внутри него.

А это уже опять М.И. Цветаева: «Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли. Раскрылась земля и породила: такого, совсем готового, огромного гнома, дремучего великана, немножко быка, немножко бога... со всеми морскими и земными солями в крови (“А ты знаешь, Марина, что наша кровь – это древнее море...”... Макс был именно земнородным, и всё притяжение его к небу было именно притяжением к небу – небесного *тела*» [2: 238].

Земля, небо, вода... Но Цветаева особо выделяет четвёртую стихию – огонь (кстати, огонь изображался алхимиками в виде треугольника, т.к. считался субстанцией, объединяющей три другие: землю, воду и воздух): «...этот огонь в нём был – так же достоверно, как огонь внутри земли. Это был огромный очаг тепла, физического тепла, такой же достоверный тепловой очаг, как печь, костёр, солнце... и волосы его, казалось... в концах трещали, как трещит хвоя на огне». «И Мать-Земля, и Царь-Огонь...» Поэт с самого начала выделял эти стихии, как женское и мужское начала, созидающие силы мироздания.

При этом сам Волошин любил повторять, что с огнём у него особые отношения. Он рассказывал, как однажды рядом с ним загорелись гардины, и он вынужден был что-то говорить о спичках в руках, которых не было. Самый известный пример отношений с огнём – случай на новый 1914 год, в доме поэта, когда Волошин в присутствии той же Цветаевой, «заговорил» огонь, т.е. потушил пожар. Балерина З. Елгаштина вспоминала, как поэт во время прогулки, на закате, «зажёт» руками траву. «Я сам огонь. Мятаж в моей природе...» – это, пожалуй, самое известное поэтическое признание Волошиным своей огненной природы («Китеж»).

А вот уже – о человеческой природе – не от себя, а во множественном числе. От имени человечества: «Дети огненно-рыжего мёда и коричнево-красной земли – / Мы сквозь плоть в темноте проросли, / И огню наша сродна природа. / В звёздном улье века и века, / Мы, как пчёлы у чресл Афродиты, / Вьёмся солнечной пылью повиты / Над огнём золотого цветка». Здесь уже Волошин исходит из теософско-антропософских теорий о формировании человеческого тела (состоящего из физического, эфирного, астрального и др. планов) на других планетах с участием Духов Огня. «Человек мечтой готовит себе будущее тело», – писал Волошин 21 сент. 1907 г. («История моей души»), слушая лекции Р. Штайнера, которые диктовала ему А.Р. Минцлова.

Огонь в представлении древних и в соответствии с различными оккультными теориями является земным воплощением солнца. В поэзии Волошина солнечные образы, солнечная символика, можно сказать, доминирует. Стихотворения «Солнце», «Сердце мира, солнце Алкиана / Сноп огня в сиянии Плеяд!..», «Corona Astralis»... Определяющим, исходным пунктом восприятия «Звёздного венка» следует считать антропософское ясновидение, контакты со сверхфизической реальностью, ощущение Вселенной внутри себя: «Гробница Солнц! Миров погибших Урна! / И труп Луны и мёртвый лик Сатурна – / Запомнит мозг и сердце затаит...» Упомянутые здесь небесные тела не случайны. Согласно антропософским воззрениям, Земля, прежде чем дойти до своей нынешней стадии, проходила через три фазы телесного становления, перемежаемые состоянием чистой духовности. Первое планетарное воплощение Земли обозначалось как Сатурн (Сатурническая стадия), второе – Солнце, третье – Луна. Все эти изменения фиксирует человеческий Дух, более древний, чем звёзды.

«Ах, не крещён в глубоких водах Леты / Наш горький дух, и память нас томит...» Память Серого ангела (как назвал Волошина в одной из публикаций поэт Вас. Бетаки) не может быть поколеблена в реке Лете, дающей забвение. Она вбирает в себя не только прошлые жизни, но и («Мы помним всё...») фрагменты до- и внечеловеческого бытия: «бег планет» и «мысль земли». Потому-то не подлежит «звёздный дух» «забвению ночей». Отсюда – столь частые у Волошина «день немеркнущих ночей», «светы» «полночных солнц» и т.п. Все эти загадочные, на первый взгляд, словосочетания имеют отношение к духовному знанию, ясновидению, пронизывающие тьму обыденного мировосприятия.

«Полночные солнца» – это и просто звёзды, манящие Волошина, астронома и астролога, и нечто большее. Возможно, здесь подразумевается своеобразный дуализм солнца. В «Ригведе», напоминает М. Элиаде, «Солнце двойственно: с одной стороны, оно сияет, с другой – оно черно или скрыто... Алхимики избрали этот образ – *sol niger* – для обозначения первоматерии или бессознательного в своей основе, “нерабочего” состояния... Солнце находится в надире (низшей точке), в глубинах, из которых оно должно с трудом, медленно подняться к своему зениту (подобно восхождению человека к высотам духа – С.П.). Это неуклонное восхождение не относится к его ежедневному пути, хотя оно используется как символ превращения первоматерии в золото...» [З: 473], что вызывает непосредственные ассоциации с рождением Слова, «В себе несущего... / Все трепеты и все сиянья жизни» («Подмастерье», 1917).

И всё же, скорее всего, поэт имеет в виду Солнце Вечное, Духовное, являющееся источником высшей мудрости. Только те, чьи способности разбужены к жизни, утверждал Парацельс, увидят Вечное Солнце и будут осознавать Его существование, но те, кто не достиг духовного

знания, всё же могут почувствовать Его силу через внутреннюю способность, называемую Интуицией» [4: 160]. Близкое этому понятие – Огонь (живой), встречающееся в «Теософском словаре» Е.П. Блаватской. Это теургический термин, позже употреблявшийся розенкрейцерами. «Символ живого огня есть Солнце, определённые лучи которого разжигают огонь жизни в нездоровом теле, передают знания будущего инертному... уму и стимулируют к активному действию некоторую психическую, обычно дремлющую, способность в человеке» [1: 322].

Р. Штайнер в одной из лекций отмечает особое восприятие Космоса посвящённым в древние мистерии, который, медитируя, мог бы сказать: «...в полночный час Солнце находилось в противоположной точке неба, против той точки, где он было в своей сияющей полуденной мощи. Я видел Солнце в его мерцании, которое было морально столь же выразительным, позади Земли. Я видел Солнце в полночь». При этом Штайнер ссылается на книгу Якоба Бёме «Восход утренней зари», которая есть не что иное, как «побуждение к космическому воспоминанию о видении Солнца в полночь позади Земли, Солнца, закрытого Землёю, просвечивающего сквозь Землю» [5: 222]. Что же касается самого венка сонетов «Corona Astralis», то в нём заключено обращение к человеку с пожеланием обрести Высшее Духовное Солнце, покинуть «темницу мгновенья» и причаститься вечности.

Впрочем, не будем заикливаться на антропософских терминах и оккультных мотивах. Вообще же образ огня – один из древнейших в мировой мифопоэтической традиции – в отдельных стихотворениях Волошина очень созвучен гераклитовскому пониманию этой стихии. Гераклит считал огонь первоосновой мира. Космос рождён из огня и вновь сгорает дотла через определённые периоды времени. Огонь был для Гераклита воплощением изменчивости мира, символом его вечного обновления. Восприятие огня как символа перерождения, очищения, подлинной жизни, самой поэзии как высшей формы бытия было характерно для лирики, например, столь почитаемого Волошиным Анненского. «О дай мне только миг, но в жизни, не во сне, / Чтоб мог я стать огнём или сгореть в огне!» – восклицает он в своём «Мучительном сонете».

Для Волошина его «огневая» сущность не подлежит сомнению. Огонь для него, прежде всего, созидательное начало. «Огонь древних недр и дождевая влага» создавали физиологический облик Киммерии. «Костёр из зверя выжег человека, / И сплавил кровью первую семью» («Огонь», 1923). В философском плане: «Огонь есть жизнь. / И в каждой точке мира / Дыхание, биенье и горенье» («Мятеж», 1923). Огонь выражает и суть России: «Вся Русь – костёр. Неугасимый пламень / Из края в край, из века в век / Гудит, ревет... / И трескается камень. / И каждый факел – человек» («Китеж», 1919). Правда, в данном случае речь идёт о Руси периода ли-

холетья. Так что имеется в виду огонь усобицы: «И старинное пламя усобиц / Лижет ризы твоих Богородиц / На оградах Печерских церквей» («Дикое поле», 1920).

Итак, огонь выражает стремление к свободе. Однако в огне можно сгореть, свободой можно захлебнуться. Поэтому «...цепь и грань нужны ему. / Не в первый раз, мечтая о свободе, / Мы строим новую тюрьму». Революция, по Волошину, это разгул бесовщины: «Нас водит на болоте огней бесовская игра». Огонь в эпоху лихолетья оборачивается миражем, затягивающим в болото. В поэме «Россия» (1924) Волошин рассуждает об огне в историсофском плане. Существует огонь культуры, цивилизации: «Европа шла культурою огня, / А мы в себе несём культуру взрыва», т.е. распада, самоуничтожения, ибо «В анархии всё творчество России». Поэтому необходимо сдерживающее, уравновешивающее начало. «Огню нужны – машины, города, / И фабрики, и доменные печи, / А взрыву, чтоб не распылить себя, – / Стальной нарез и маточник орудий. / Отсюда тяж советских обручей и тугоплавкость колб самодержавья».

И всё же развитие природы, человека, мироздания осуществляется за счёт «мятежного огня». «Чтобы не дать материи изникнуть, / В неё впился сплавляющий огонь. / Он тлеет в «Я» и вещество не может / Его объять собой и задушить» («Мятеж»). Гераклит считал, что все вещи возникают из огня путём разрежения и сгущения в силу противоположности. Та из противоположностей, которая ведёт к возникновению – война («Война – отец всех вещей» – говорил философ); та, что к сгоранию – мир, т.е. прекращение войны. Огонь таким образом соединяет в себе оба начала: он порождает новое, но он же и уничтожает его через определённый период времени.

По Волошину, «Есть два огня: ручной огонь жилища, / Огонь лампад и жертвоприношений, / Кузнечных горнов, топков и печей...», «рдяное гнездо» Агни, бога огня, домашнего очага, жертвоприношений в ведийской и индуистской мифологии. «И есть огонь поджогов и пожаров, / Степных костров, кочевий, маяков, / Огонь, лизавший ведьм и колдунов, / Огонь вождей, алхимиков, пророков, / Неистовое пламя мятежей...» (не совсем то, что «война» у Гераклита, но близко: «мятежный дух взрыва»). Их взаимодействие даёт толчок развитию цивилизации, способствует рождению того социально-культурного комплекса, что поэт называет «Гражданский строй, религия, семья». И, наконец, «тысячелетья огненной культуры» вырабатывают у человека огонь духа.

Само же человечество, по мысли Волошина, прошло три глобальные стадии: «Отстоянная радость бытия / И полнота языческого мира» сменилась «любовным жалом» «истребляющего», «покоряющего» христианства, горячая смесь которого взорвалась и «разметала» кладку, «решётки и затворы». Однако «исконная форма мятежа» привела человека в новую темницу, в которой охлащивается «не тело, а мечта», мозги же «дезинфицируются» от веры. На третьей стадии – те же запреты и табу,

только не на религиозные ереси, а «на всё, что не сводилось к механизму: / На откровенья, таинство, экстаз...» («Таноб», 1926). Наступает новая стадия мятежа, считает поэт. Мятежа против «кольцевых нагромождений... систем», против затверделых истин и канонических заповедей. Сжатый «обожжёнными кирпичами» косных идей человеческий дух становится «междупланетной ракетой», черпающей топливо в самой себе («взрываясь из себя»), устремляющейся «Сквозь зыбкие обманы небесных обликов», «Созвездий правящих и волящих планет» к обретению внутреннего Грааля, к идеалу Града Божия». Отсюда – призыв: «Единственная заповедь: «ГОРИ!» / Твой Бог в тебе / И не ищи другого / Ни в небесах, ни на земле...» («Бунтовщик», 1923)

Если же вернуться из глобально-философского в историософский план... «Русский сон под чуждыми нам именами», которым «грезит» сейчас Россия, обернётся, если прислушаться к Волошину, духовным катарсисом, обретением «поруганного храма» и воскресением, о чём, в сущности, пророчествовал и сам поэт: «Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье – / Творящий ритм мятежного огня».

Список литературы

1. Блаватская Е.П. Теософский словарь. Изд-во «Сфера» Рос-го Теос-го Об-ва, 1994. 640 с.
2. Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
3. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: «REFL-book», 1994. С. 483.
4. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, кабалистической, розенкрейцеровской символической философии. Т.1. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. 367.
5. Штайнер Р. Эзотерические рассмотрения кармических связей. Т.2. М.: Антропософия, 2000. 528 с.

Об авторе:

ПИНАЕВ Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, e-mail: serpinaev@mail.ru

**FIRE IN THE LIFE CREATION
OF MAXIMILIAN VOLOSHIN**

S.M. Pinaev

Russian Peoples' Friendship University, Moscow

M.A. Voloshin, a poet and philosopher, was characterized by an acute perception of the basic elements that make up the universe. In this regard, the influence of ancient Greek philosophy on Voloshin has been repeatedly mentioned.

Keywords: *fire, element, nature, cosmos, sun, spirit.*

About author:

PINAEV Sergei Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' University of Friendship of Russia (117198, Russia, g. Moscow, ul. Miklukho-Maklaya, 6), e-mail: serpinaev@mail.ru.

© Пинаев С.М., 2022